

П. В. КУЗЕНКОВ

ПЕРВЕНСТВО КОНСТАНТИНОПОЛЯ

ФАКТЫ ПРОТИВ МИФОВ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ПОЗНАНИЕ»

УДК 281.93
ББК 86.372
К89

Рекомендовано к публикации
Издательским советом Русской Православной Церкви
ИС Р21-118-0437

Издание осуществлено при финансовой поддержке
некоммерческой организации
«Фонд поддержки христианской культуры и наследия».

Кузенков П. В.

К89 Первенство Константинополя. Факты против мифов. М.: Изда-
тельский дом «Познание», 2022. — 192 с.

ISBN 978-5-6044876-7-9

Знак информационной продукции 12+

Книга посвящена наиболее актуальной проблеме современных меж-
церковных отношений — политике Константинопольского Патриархата,
претендующего на некий особый статус среди Православных Поместных
Церквей. На примере историко-канонического анализа демонстрируется
необоснованность претензий Фанара на особые права «лидера мирового
Православия», их противоречие духу и букве канонов, а также восходящей
к Христу и апостолам системе церковного устройства.

ISBN 978-5-6044876-7-9

УДК 281.938
ББК 86.372

© Кузенков П. В., 2022
© Благотворительный фонд «Познание», 2022
© Издательский дом «Познание», 2022

<i>Предисловие</i>	9
◆ Канонический статус Константинополя и его интерпретация в Византии	12
◆ Права на ставропигию: церковная традиция и претензии Фанара	48
◆ Размышления о регламенте «Святого и Великого Собора», намеченного на Пятидесятницу сего года	66
◆ О соборности подлинной и мнимой. Куда ведет экклезиология Критского «Великого Собора»?	77
◆ Понимание «вселенскости» в православной традиции	91
◆ Вселенский Патриарх: история одного титула	107
◆ Библиография	117
◆ Источники	119
◆ Литература	121
◆ Указатель	125
◆ Резюме	131
◆ Хрестоматия	132

КАНОНИЧЕСКИЙ СТАТУС КОНСТАНТИНОПОЛЯ И ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В ВИЗАНТИИ¹

Вот уже около тысячи лет Константинопольский Патриархат находится во главе диптихов Поместных Православных Церквей. Это почетное место константинопольские иерархи усвоили себе, заняв место римских пап, которые с XI в. остаются вне канонического общения с православным миром. Одной из главных причин разрыва, долго назревавшего и окончательно оформившегося после конфликта 1054 г., послужили, как хорошо известно, претензии Рима на абсолютное и безусловное верховенство в христианской Церкви. На православном Востоке — и прежде всего в византийском Константинополе — с удивлением, а чаще с негодованием встречали такого рода притязания, не имевшие опоры ни в Священном Писании, ни в церковном Предании. Обосновывающий уникальный церковно-правовой статус римских понтификов так называемый Константинов дар — фальсификат, сфабрикованный в VIII в. для неискушенных правителей варварской Европы, — даже сами папы долгое время не решались предъявлять цивилизованному христианскому миру. Однако с течением времени ситуация изменилась. Впервые всплывший во время диспутов XI в. «Константинов дар» на удивление быстро завоевал доверие византийских канонистов и долгое время считался в православном мире одним из краеугольных документов церковной истории, войдя в середине XVII в. в состав русской печатной Кормчей².

¹ Опубликовано: Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. 2014. Вып. 3 (53). С. 25–51.

² «Иже во царех перваго христианина бывша, святаго и блаженнаго, и равна апостолом великаго царя Константина. Повеление его царское содеянно и дано Святей Соборней и Апостольстей Церкви» (Кормчая. М., 1653. Л. 1–10об. [2-я пар.]).

Впрочем, церковные каноны и исторические сочинения не позволяли сомневаться в том, что в Древней Церкви никогда не существовало ничего похожего на единую и универсальную единоличную власть, которой бы были подчинены все епископы христианского мира. Традиционный эпитет св. Петра — *первоверховный* (греч. *κορυφαῖος*, лат. *princeps*) апостол — хотя и признавал его выдающееся место среди апостолов (причем наряду со св. Павлом), вовсе не подразумевал его формального главенства над учениками Христа. Тем более это касалось епископа Рима, который издревле считался наиболее уважаемым из иерархов империи, но до поры до времени никем не воспринимался в качестве всеобщего главы христиан.

Православная экклезиология всегда твердо придерживалась соборного принципа организации Вселенской Церкви, согласно которому все апостолы получили от Господа равные полномочия, а следовательно, и их преемники — епископы — отличаются друг от друга не по «божественному праву», а по церковно-каноническим основаниям. Тем не менее в византийский период отношение самих «ромеев» к церковному статусу своей столицы было неоднозначным. Традиционное восприятие архиепископа Константинопольского как первого по чести, но равного по сану Предстоятеля одной из Поместных Церквей, соседствовало с представлениями об особом статусе «Вселенского Патриарха», дающем ему исключительные прерогативы и права по сравнению со всеми прочими иерархами. Проследить развитие этих представлений призвана настоящая статья.

Иерархические уровни церковной власти в Римской империи

Уже в первые четыре века становления церковной организации в империи оформилось три основных иерархических уровня управления.

1. Уровню отдельного города с его округой соответствовала епископия (по-гречески *παροικία* или *ἐνορία*, по-русски обычно переводится как «епархия»)³ во главе с епископом, обладавшим всей полнотой духовной и церковно-административной власти (*ἐξουσία*) над своим клиром и паствой. Согласно канонам, епископ имеет попечение обо всех церковных делах, управляет подчиненной ему территорией, распоряжается церковным имуществом, «яко Богу назирающую», рукополагает пресвитеров и диаконов и разбирает все дела с рассуждением⁴.

2. Для решения общих вопросов на областном (провинциальном) уровне возникли коллегиальные органы управления — соборы епископов под председательством епископа центра провинции — митрополии. Такой епископ, как получивший начальство над другими епископами, как правило (но не обязательно), назывался архиепископом или митрополитом («столичным»). Каноны предоставляют архиепископам право созывать местные соборы и председательствовать на них⁵, следить за соблюдением соборных решений, утверждать выборы епископов, принимать апелляции и другие важные решения⁶. Однако их власть не абсолютна: они не имеют права вмешиваться во внутренние дела подчиненных епископов, а в отношении дел всей провинции ничего не могут предпринимать без их согласия⁷.

³ Для отечественной церковно-исторической науки серьезной терминологической проблемой является смешение понятий «епархия» и «епископия», вызванное специфической традицией Русской Церкви (веками считавшейся одной из епархий Константинопольского Патриархата). В первоначальном словоупотреблении область, подчиненная власти обычного епископа, обозначалась специальным термином *ἐνορία*, тогда как термин *ἐπαρχία* (греческий эквивалент латинского *provincia*) был зарезервирован за областью юрисдикции митрополита. В России же, где различия между митрополитами и епископами трансформировались из административных в титулярные, «епархией» принято называть область, подвластную обычно епископу (кроме викарных). Эта путаница способна породить немало проблем, поскольку властные полномочия епископа в рамках «энории» и митрополита в рамках «епархии» существенным образом различаются.

⁴ См.: Апост. 38, Антиох. 9 и др.

⁵ См.: Антиох. 9, 16, 19, 20.

⁶ См.: 1 Всел. 4–6; Антиох. 11; Карф. 63.

⁷ См.: Антиох. 9, 20; Апост. 34.

Обращают на себя внимание те канонические формулировки, которые объясняют причину наделения митрополитов особыми правами:

Апост. 34: «Епископам всякого народа подобает знать первого (πρῶτος, primus) в них, и признавать его как главу, и ничего превышающего их власть не творить без его рассуждения»⁸.

Антиох. 9: «В каждой области (ἐπαρχίαν) епископам подобает знать епископа, в митрополии начальствующего и имеющего попечение о всей области, так как в митрополию отовсюду стекаются все, кто имеют дела»⁹.

Таким образом, основанием для выделения второй ступени епископской иерархии является принцип гражданского устройства, в согласии с которым существующие административные центры являются средоточием принятия важных судебных и иных решений. Поэтому выделение первенствующего епископа (архиепископа, митрополита) в той или иной области (провинции, епархии) или у «всякого народа» (в имперском административном смысле) происходит *по формальному принципу*, а не по каким-либо иным основаниям¹⁰. Впоследствии возникла категория почетных «автокефальных архиепископов», т. е. епископов, выведенных из-под власти митрополита и непосредственно подчиненных патриарху, хотя и не имевших власти над другими епископами¹¹.

3. В IV в. империя была разделена на крупные гражданские округа — диоцезы во главе с викариями/экзархами. В этих округах возникла церковно-административная ступень соответствующего уровня — областной собор во главе с епископом центрального

⁸ Σύνταγμα. Т. 2. Σ. 45.

⁹ Σύνταγμα. Т. 3. Σ. 140–141.

¹⁰ Таким был, в частности, архиепископ Новгородский. Восприятие архиепископского сана как почетной награды наложило отпечаток на всю систему титулатуры Русской Церкви. В Древней Церкви и Византии собственно архиепископами считались митрополиты и патриархи.

¹¹ Выражение «подобает знать» (εἰδέναι χρή), типичное для справочных текстов, наводит на мысль о том, что кафедра «первого» или «начальствующего в митрополии» епископа не устанавливается Церковью, а известна априори из существующего гражданского порядка.

города. 2-е правило II Вселенского Собора четко разграничивает области юрисдикции «епископов над диоцезами» (τοὺς ὑπὲρ διοίκησιν ἐπισκόπους) восточной половины империи: в Египетском диоцезе церквями управляет епископ Александрийский; в Восточном диоцезе — «восточные епископы, с сохранением преимуществ Антиохийской Церкви»; в Асийском, Понтийском и Фракийском диоцезах — епископы Азии, Понта и Фракии соответственно¹². Любопытно, что данное правило, устанавливая разграничение между диоцезами, ссылается на никейский канон, в котором речь идет о провинциях¹³. На этой основе возникли самостоятельные (автокефальные) Поместные Церкви.

Однако границы самостоятельных Церквей не всегда совпадали с границами гражданских диоцезов. В V в. из Восточного диоцеза выделились Церкви Иерусалимская и Кипрская, а в пределах трех малоазийских диоцезов была образована Церковь Константинопольская. В западной половине империи ситуация была еще сложнее. Там, несомненно, существовали Поместные Церкви, имевшие собственные соборы (например, Африканская)¹⁴, однако полная картина остается не вполне ясной. Во всяком случае традиционное представление о Римском папе как единственном «патриархе Запада» является сильным упрощением. Лишь по мере варваризации западных областей там происходило разрушение местных церковных структур, что усиливало значение Рима¹⁵.

¹² 2 Всел. 2; Σύνταγμα. Т. 2. Σ. 169–170.

¹³ В греческом тексте правил Сардикийского собора 343 г. (Сардик. 6; Σύνταγμα. Т. 3. Σ. 243) митрополит называется «экзархом провинции (ἑξάρχος τῆς ἐπαρχίας)». В западной церковной традиции обычный церковный округ называется «диоцезом», тогда как на Востоке за ним закрепилось название «епархия».

¹⁴ Любопытно, что один из карфагенских канонов предписывает называть старшего епископа не «экзархом иереев», но просто «епископом первого престола» (Карф. 48 (39)). Титул «примас» (primas) закрепился в западной традиции за старшим по чести митрополитом крупной области. Византийские канонисты отождествляли экзархов и примасов (Σύνταγμα. Т. 3. Σ. 404–405; Правила. [Ч. 3]. С. 498; Pitra. Т. 2. P. 462–463).

¹⁵ Подробнее см.: *Грацианский М. В.* Возникновение и развитие концепции папского примата в I–V вв. // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. 2014. Вып. 2 (52). С. 9–29.

Наиболее авторитетные архиепископы издавна уважительно именовались «папами» или «патриархами» (букв. «начальниками отцов»). Первый из этих почетных титулов со временем стал традиционным эпитетом епископа Рима, а последний в V–VI вв. закрепился официально за епископами Константинополя, Антиохии и Иерусалима; Александрийский епископ пользуется обоими. Впрочем, никаких дополнительных административных прав эти титулы не предоставляют: и папы, и патриархи являются архиепископами высшего уровня — Предстоятелями самостоятельных (автокефальных) Поместных Церквей.

Общеимперской церковной юрисдикции не существовало. Вопросы общегосударственного значения решались на чрезвычайных собраниях всех епископов империи — так называемых Вселенских Соборах, которые созывались императорами и имели, таким образом, уже не исключительно церковный, но церковно-государственный статус.

В качестве технического термина, которым в церковной традиции обозначались особые права главных кафедр, использовалось греческое слово «прεσβεία» (мн. ч. от *πρεσβειων* «старшинство, старейшинство, привилегия, почеть»)¹⁶, которое обычно переводится на русский язык как «преимущества»¹⁷. Точное значение этого термина и его юридическая природа остаются предметом долгих и подчас весьма острых споров.

Канонические тексты используют понятие «преимущества» (*πρεσβεία*) двояко: 1) как полномочия митрополита, возвышающие его над подчиненными ему епископами; 2) как особый статус двух столичных архиереев, Римского и Константинопольского. Целесообразно рассмотреть оба этих случая отдельно.

¹⁶ Слово восходит к греч. *πρεσβυς* (старый, старший), этимология которого остается не вполне ясной (см.: *Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1960. Bd. 3. S. 593*). Уже в Античности это слово и его производные имели явно политическую коннотацию (см.: *πρεσβυς* «вождь»; *το πρεσβυς* «собрание старейшин»; *η πρεσβεία* «посольство»). В новозаветном лексиконе термин *πρεσβυτερος* обозначает «старца, старейшину, предка», т. е. лиц, наделенных авторитетом. Отсюда же традиционное название христианских священников (пресвитеров).

¹⁷ В славянской традиции бытовал перевод «старѣишнство» (Кормчая. Т. 1. С. 97).

«Преимущества власти» архиепископов

Уже на первом Вселенском Соборе (Никея, 325) была закреплена сложившаяся ранее система церковного управления, в которой епископы крупнейших городов (митрополий) империи обладали административной властью (ἐξουσία) над подчиненными этим центрам провинциальными городами¹⁸. Основанием для такого рода власти 6-е правило называет «древние обычаи» (τὰ ἀρχαῖα ἔθη), а характер полномочий епископов митрополий описывает как «преимущества» (πρεσβεῖα). Данный никейский канон специально посвящен Александрии, но в качестве аналогичных примеров церковно-административной иерархии упомянуты Рим и Антиохия и вообще говорится об «иных областях» (букв. ἐπαρχίαι, т. е. провинциях). Далее в тексте определяется, что поставление епископа невозможно «без соизволения митрополита». Таким образом, никейское правило еще не отделяет епископов Рима, Александрии и Антиохии от епископов митрополий.

Для обозначения области юрисдикции митрополитов применялся термин «δικαία» (букв. «права»). Так, 8-е правило III Вселенского Собора в Эфесе (431), определяя неприкосновенность устоявшихся границ Поместных Церквей, предписывает, «чтобы всякая провинция (ἐπαρχία)¹⁹ сохраняла в чистоте и без стеснения от начала принадлежащие ей права (τὰ αὐτῆ προσόντα δικάια), согласно издревле утвердившемуся обычаю»²⁰.

«Преимущества чести» столичных кафедр

В 9-м антиохийском правиле о митрополите сказано: «Посему рассуждено, чтобы он и честью первенствовал (καὶ τῆ τιμῆ

¹⁸ 1 Всел. 6; Σύνταγμα. Т. 2. Σ. 128.

¹⁹ Обычный русский перевод «епархия» может ввести в заблуждение. Здесь имеются в виду именно права провинциальной митрополии.

²⁰ Σύνταγμα. Т. 2. Σ. 203–204.

προϋϋεσθαι)»²¹. Тем самым церемониальные прерогативы епископа митрополии представлены как непосредственное следствие его административно-правовых полномочий.

Однако совершенно особой была ситуация с Константинополем.

Как известно, новая столица империи была построена императором Константином Великим только в 330 г. Во времена Никейского Собора на этом месте существовал городок Византий, который входил в гражданскую и церковную провинцию Фракия с центром в Ираклии (древнем Перинфе). Перемещение сюда императорской резиденции, разумеется, повысило значение местного епископа, но формально он оставался всего лишь одним из «суффраганов»²² провинции Фракия, подчиненным митрополиту Ираклийскому. Этот консерватизм церковной традиции вступал в противоречие с духом канонов. Ведь отныне Константинополь стал важнейшим политическим центром, столицей не одного, но всех «народов» Римской империи, куда «стекались все, кто имеет дела» из самых отдаленных провинций.

Вполне естественно, что II Вселенский Собор, проходивший в 381 г. в самом Константинополе, принял решение возвысить церковный статус Нового Рима. Сложность состояла в том, что Константинополь был столицей империи, но не диоцеза и даже не провинции. Окрестные кафедры издавна подчинялись своим митрополиям, а те — своим диоцезам (области которых были только что разграничены)²³. Видимо, поэтому собор в 3-м правиле не определил для епископа новой столицы какой-либо области юрисдикции, ограничившись краткой фразой: «Константинопольский епископ да имеет преимущества»²⁴

²¹ Σύνταγμα. Т. 1. Σ. 140.

²² Распространенное в науке название епископов, подчиненных митрополиту и при его избрании обладающих правом голоса (лат. suffragium). Греческий эквивалент — ἐπαρχιώτα.

²³ 2 Всел. 2.

²⁴ В официальном русском переводе закрепилось единственное число: «преимущество» (см.: Правила. [Ч. 2]. С. 87).

честь после Римского епископа, потому что этот город есть Новый Рим»²⁵.

Точное наполнение данной формулы до сих пор остается предметом дискуссии. Однако следует обратить внимание на то, что выделение столиц империи в церковной сфере явилось полной аналогией процедуры, имевшей место полувеком ранее в сфере гражданской. В 330 г. император Константин на смертном одре предоставил Риму и Константинополю некие «преимущества», о чем сообщают церковные историки. Сократ Схоластик: «И, составив завещание, он разделил власть, как и прежде, между сыновьями, а также дал преимущества, предоставив одни Риму, а другие — городу, носящему его имя»²⁶. Созомен: «Он составляет завещание, в котором ставит троих сыновей наследниками царства, в соответствие с тем, как при жизни он распределил им уделы и, предоставив многочисленные преимущества граду римлян и тому, который носит его имя, передает завещание...»²⁷.

Таким образом, представляется вполне очевидным, что закрепленное Вселенским Собором «первенство чести» Рима и Константинополя коренилось исключительно в политической сфере, а именно в столичном статусе этих городов. Реализация «столичных привилегий» Константинополя в церковной сфере натолкнулась на трудности хотя бы потому, что оставалась неясность в отношении принятого для них образца — привилегий старого Рима. До сих пор продолжается активная дискуссия о том, насколько далеко простиралась в то время юрисдикция папы и какие конкретно признавались за ним права.

²⁵ «Τὸν μὲν τοὶ Κωνσταντινουπόλεως ἐπίσκοπον ἔχειν τὰ πρεσβεία τῆς τιμῆς μετὰ τὸν τῆς Ῥώμης ἐπίσκοπον, διὰ τὸ εἶναι αὐτὴν νέαν Ῥώμην» (Σύνταγμα. Т. 2. Σ. 173).

²⁶ «... διαθήκην τε ποιήσας τοῖς μὲν παισὶ δένειμε τὴν ἀρχὴν εἰς πρότερον, πρεσβεία δὲ τὰ μὲν τῇ πρεσβυτέρῳ Ῥώμῃ, τὰ δὲ τῇ ἐπωνύμῳ αὐτοῦ καταλιπὼν ἔδωκε» (Sozomenus. Historia ecclesiastica II. 34. 2).

²⁷ «... διαθήκας ποιεῖται, ἐν αἷς τοὺς μὲν τρεῖς υἱοὺς κληρονόμους τῆς βασιλείας ἐνίστησι, καθὰ καὶ ζῶν αὐτοῖς τοὺς κλήρους δένειμεν, πολλὰ δὲ τῇ Ῥωμαίων πόλει καὶ τῇ ἑαυτοῦ ἐπωνύμῳ πρεσβεία καταλιπὼν τὰς διαθήκας ... παρατίθεται...» (Socrates Scholasticus. Historia ecclesiastica I. 39. 10).

Ярким примером амбивалентности в понимании привилегий столичных епископов является так называемый закон об Иллирике (421). В ходе пограничных споров между западной и восточной частями Римской империи Феодосий II издал эдикт, который предусматривал верховный надзор над епископами провинций Иллирийской префектуры²⁸ со стороны Константинополя. Основанием для этого прямо указывалось то, что этот город пользуется «прерогативами Рима»:

«Августы Гонорий и Феодосий — Филиппу, префекту претория в Иллирике. Пресекая всякое новшество, мы предписываем соблюдать во всех провинциях Иллирика древность и исконные церковные правила, действующие донныне, дабы, ежели возникнет какое-либо недоумение, надлежало бы его предоставить священническому собору и святому суду, не без уведомления честнейшего мужа предстоятеля священного закона во граде Константинополе, пользующемся прерогативами старого Рима»²⁹.

Впоследствии византийские канонисты (хотя и не все) были уверены, что все епископы к западу от Фракии подчинялись папе Римскому, а потому трактовали данную норму как своеобразное двоевластие³⁰. Однако исследователи склонны видеть здесь попытку переподчинения епископов Иллирика от Рима к Константинополю,

²⁸ Иллирийская префектура после раздела 395 г. включала диоцезы Дакия и Македония.

²⁹ «Honorius et Theodosius Augusti Philippo p.p. Illyrici. Omni innovatione cessante vetustatem et canones pristinos ecclesiasticos, qui nunc usque tenuerunt, et per omnes Illyrici provincias servari praecipimus, ut, si quid dubietatis emergerit, id oporteat non absque scientia viri reverentissimi sacrosanctae legis antistitis urbis Constantinopolitanae, quae Romae veteris praerogativa laetatur, conventui sacerdotali sanctoque iudicio reservari» (C.J. I.2.6; CIC. Vol. II. P. 12).

³⁰ Так трактует эту норму схолия в рукописи Laurent. Plut. V. 22: «Следует знать, что все епископы Иллирика относятся к святейшему Римскому престолу. Однако преблагочестивые законы предоставили столь великую власть Константинопольскому престолу, что предписывают без его ведома не принимать никакого решения в отношении церковного диоцеза в Иллирике». При императоре Юлиане (361–363) Иллирик был временно присоединен к Итальянской префектуре. Видимо, в это время и возникла определенная зависимость иллирийских епископов от власти папы Римского. Характер этой зависимости остается неясен. Судя по эдикту 421 г., «прерогативы» Рима не простирались далее уведомления о решениях, принимавшихся на местных соборах.

завуалированную рассуждениями о «незыблемости древних правил»³¹.

Возвышение Константинополя вызвало негативную реакцию в более древних церковных центрах — Риме, Александрии и особенно Эфесе, кафедра которого славилась апостольским происхождением, но уже при Иоанне Златоусте попала под контроль константинопольского архиерея. Как известно, оба проходивших в Эфесе Собора — III Вселенский (431) и «Разбойничий» (449) — не признавали особого церковного статуса Константинополя. И если в 431 г. это еще можно было объяснить тем, что столичный епископ Несторий оказался в Эфесе в качестве обвиняемого в ереси, то последнее место Флавиана Константинопольского на соборе 449 г. выглядело как грубое нарушение канонов (именно так его расценивали спустя два года в Халкидоне — причем не кто иные, как посланцы Рима)³².

Определение области церковной юрисдикции Константинополя

Именно на Халкидонском IV Вселенском Соборе (451) был закреплён установленный семьюдесятью годами ранее особый статус константинопольского епископа, а также определена конкретная область его юрисдикции. Ключевой в этом отношении канон — так называемое 28-е правило Халкидонского Собора (принятое уже после окончания заседаний, несмотря на протест римских лега-

³¹ См.: *Duchesne L. L'Illyricum ecclésiastique // Byzantinische Zeitschrift. 1892. Bd. 1. S. 531–550; Лепорский П. И. История Фессалоникского экзархата до времени присоединения его к Константинопольскому Патриархату. СПб., 1901; Grumel V. Le Vicariat de Thessalonique et le premier rattachement de l'Illyricum oriental au patriarcat de Constantinople // Annuaire de l'École des Législations Religieuses. 1952. P. 49–63; Сиротенко В. Т. Борьба Западной Римской империи и Византии за префектуру Иллирии в 395–425 гг. и ее последствия // Античная древность и Средние века. 1972. Т. 8. С. 73–88.*

³² На 1-м деянии легат папы Льва I, епископ Пасхазин, сказал: «Вот мы, по воле Божией, считаем господина Анатолия первым, а они [т. е. председатели «Разбойничего» собора] поставили блаженного Флавиана пятым». Диоген, епископ Кизикский, сказал: «Потому что вы знаете каноны» (ДВС. Т. 3. С. 71).

тов) — до сих пор служит объектом разного рода спекуляций, поэтому целесообразно привести его уточненный русский перевод:

«Во всем следуя определениям святых отцов и признавая прочитанное только что правило 150 боголюбнейших епископов, собравшихся при благочестивой памяти великом Феодосии в царствующем Константинополе — Новом Риме, и мы определяем и постановляем то же относительно преимуществ (τῶν πρεσβείων) святейшей Церкви сего Константинополя — Нового Рима. Ибо отцы справедливо дали преимущества (εἰκότως ἀποδεδώκασι τὰ πρεσβεῖα) престолу старого Рима, поскольку это царствующий город (διὰ τὸ βασιλεύειν τὴν πόλιν ἐκείνην); движимые той же целью, и 150 боголюбнейших епископов предоставили равные преимущества (τὰ ἴσα πρεσβεῖα ἀπένευξαν) святейшему престолу Нового Рима, благоразумно рассудив, чтобы город, удостоенный чести царства и сената (τὴν βασιλεία καὶ συγκλίττω τιμηθεῖσαν) и пользующийся равными преимуществами (τῶν ἴσων ἀπολαύουσαν πρεσβείων) со старым царственным Римом, также и в церковных делах величался, как и тот, будучи вторым после него (ἐν τοῖς ἐκκλησιαστικοῖς εἰς ἐκείνην μεγαλύνεσθαι πράγμασιν δευτέραν μετ' ἐκείνην ὑπάρχουσαν). И чтобы только (μόνους) митрополиты Понтийского, Асийского и Фракийского диоцезов, а также епископы вышеназванных диоцезов у варварских [народов]³³ (ἔτι δὲ καὶ τοὺς ἐν τοῖς βαρβαρικοῖς ἐπισκόπους τῶν προειρημένων διοικήσεων) поставлялись бы вышеуказанным святейшим престолом святейшей Константинопольской Церкви. А именно, провинциальные епископы (τοὺς τῆς ἐπαρχίας ἐπισκόπους) да рукополагаются каждым митрополитом вышеупомянутых диоцезов вместе с провинциальными епископами, как определяется божественными правилами; сами же митрополиты вышеупомянутых диоцезов да рукополагаются, как уже сказано,

³³ В традиционном русском переводе — «у иноплемеников». Между тем в греческом выражении «τοὺς ἐν τοῖς βαρβαρικοῖς ἐπισκόπους» прилагательное «варварские» очевидным образом относится к опущенному далее слову «народы» — как это показывает аналогичное выражение во 2-м правиле II Вселенского Собора: «τὰς ἐν τοῖς βαρβαρικοῖς ἔθνεσι τοῦ Θεοῦ ἐκκλησίας» (Σύνταγμα. Т. 2. Σ. 170).

Константинопольским архиепископом, по проведении согласного избрания по обычаю и его оповещении (ψηφισμάτων συμφώνων κατὰ τὸ ἔθος γινόμενων καὶ ἐπ' αὐτὸν ἀναφερομένων)³⁴.

Принципиально важно, что в качестве основания для представления отцами «преимуществ» Риму и Константинополю данное правило прямо называет политический статус этих «царствующих» городов. Кроме того, упомянуты и равные гражданские преимущества старого и Нового Рима. Очевидно, что речь идет о тех самых привилегиях, которые предоставил обоим столицам Константин Великий.

Несмотря на громоздкость и некоторую грамматическую неуклюжесть текста 28-го правила, его смысл вполне прозрачен. Уже данное Константинополю «преимущество чести» раскрывалось теперь как «преимущество власти» в строго очерченных рамках: право рукоположения только митрополитов (но не епископов!) трех диоцезов, а также епископов этих же диоцезов «у варварских народов».

Никаких новых прав Константинополь не получил, скорее наоборот: ведь ранее в Константинополе принимались жалобы на епископов из любых областей империи, не исключая «пап» Римского и Александрийского. Теперь же из-под его контроля выводились не только все иерархи за пределами трех конкретных диоцезов, но даже и епископы-суффраганы митрополий внутри этих диоцезов³⁵.

Наряду с митрополитами Понта, Азии и Фракии в прямое подчинение Константинополю были поставлены относящиеся к этим диоцезам епископы «варварских» народов. Что за епископы имелись

³⁴ Σύνταγμα. Т. 2. С. 280–281.

³⁵ В послании Халкидонского Собора папе Льву I говорится: «...издавна имевший силу обычай, которого держалась святая Божия Церковь Константинопольская, — рукополагать митрополитов диоцезов Асийского, Понтийского и Фракийского, — ныне и мы утвердили соборным определением, не столько предоставляя что-либо Константинопольскому престолу, сколько устрояя благочиние в митрополиях (ταῖς μητροπόλεσι τῆν εὐταξίαν πρυτανεύοντες)..., особенно касательно эфесян, которые многократно беспокоили Вас» (АСО. Т. II/3.1. Р. 116 [475]; ДВС. Т. 4. С. 168).

в виду и каким именно образом они относились к диоцезам империи, остается только догадываться. Можно предположить, что речь идет либо о епископах иноплеменников, живших на территории Римской империи на правах политической автономии (федератов), либо о миссионерах, направлявшихся за пределы империи из указанных областей. Византийские канонисты XII в. трактовали этот пункт по-разному. Алексей Аристин видит здесь «епископов варваров» внутри диоцезов (οἱ ἐν ταῖς τοιαύταις διοικήσεσι τῶν βαρβάρων ἐπίσκοποι)³⁶, тогда как Иоанн Зонара и Феодор Вальсамон подводят под этот канон зависящих от Константинополя епископов стран, соседствующих с данными диоцезами — Алании и Руси:

Зонара: «На константинопольского же епископа это правило возлагает рукоположение епископов для варварских народов, сущих (τοῖς οὖσι) в указанных областях, каковы суть аланы и росы; ибо первые соседствуют (συνταράκεινται) с Понтийским диоцезом, а росы — с Фракийским».

Вальсамон: «Епископствами же у варваров можно назвать Аланию, Росию и другие. Ибо аланы — Понтийского диоцеза, а росы — Фракийского»³⁷.

Во всяком случае выражение «варварские народы вышеназванных диоцезов» не дает ровным счетом никаких оснований для расширения церковной юрисдикции Константинополя на всю православную диаспору.

Другие каноны того же Халкидонского Собора определяют судебные полномочия Константинопольского иерарха. 9-е правило гласит: «Если же епископ или клирик имеет неудовольствие на митрополита той же провинции³⁸, да обращается к экзарху диоцеза³⁹

³⁶ Σύνταγμα. Т. 2. Σ. 286.

³⁷ Σύνταγμα. Т. 2. Σ. 283, 285.

³⁸ В церковнославянской версии — «на митрополита области» (Правила. [Ч. 2]. С. 181). Важное уточнение «τῆς αὐτῆς» («той же») оказалось опущено.

³⁹ В официальном русском переводе — «великия области». См., например: Правила. [Ч. 2]. С. 181.

или к престолу царствующего Константинополя и пред ним да судится»⁴⁰.

Эта же норма повторяется в 17-м правиле⁴¹. Характерно, что собор умалчивает об аналогичных правах других престолов. Византийские канонисты понимали 9-е и 17-е халкидонские правила таким образом, что другие патриархи в них упоминаются под именем «экзархов диоцезов»⁴². При этом, согласно Алексею Аристину, патриарх Константинополя, апелляция к которому понимается как альтернатива апелляции к экзархам, оказывается наделен уникальными полномочиями судить митрополитов не только в своей области юрисдикции, но и из других патриархатов⁴³.

Однако такое понимание халкидонских канонов не является ни необходимым, ни общепринятым. Разумеется, титул патриарха в середине V в. еще не считался официальным и не употреблялся в соборных правилах. Однако назвать «экзархом диоцеза» Собор в строгом смысле слова мог только Патриарх Александрийского: Антиохийский и Иерусалимский делили между собой Восточный диоцез и, соответственно, не могли быть названы его экзархами. Но именно Александрийский Патриарх и не может здесь иметься в виду: ведь в его подчинении не было митрополитов (такова была особенность церковной организации Египта). Следовательно, данное правило не носит универсального характера, а описывает конкретную ситуацию: утверждение юридической стороны прав Константинопольского престола, административный аспект которых описан в 28-м правиле. На переходном этапе право суда над митрополитами предоставлено на равных Константинопольской

⁴⁰ «Εἰ δὲ πρὸς τὸν τῆς αὐτῆς ἐπαρχίας μητροπολίτην ἐπίσκοπος ἢ κληρικὸς ἀμφισβητοίη, καταλαβανέντῳ τὸν ἑξάρχον τῆς διοικήσεως ἢ τὸν τῆς βασιλευούσης Κωνσταντινουπόλεως θρόνον, καὶ ἐπ' αὐτῷ δικάζεσθω» (Σύνταγμα. Т. 2. Σ. 237).

⁴¹ «Εἰ δὲ τις ἀδικοίτο παρὰ τοῦ ἰδίου μητροπολίτου, παρὰ τῷ ἐξάρχῳ τῆς διοικήσεως, ἢ τῷ Κωνσταντινουπόλεως θρόνῳ δικάζεσθω, καθὰ προεῖρηται» (Σύνταγμα. Т. 2. Σ. 258).

⁴² Σύνταγμα. Т. 2. Σ. 238, 240.

⁴³ «Этого преимущества, т. е. чтобы митрополит, состоящий под властью одного патриарха, был судим другим, ни правилами, ни законами не дано ни одному из прочих патриархов, кроме Константинопольского» (Σύνταγμα. Т. 2. Σ. 240).

кафедре и архиепископам столиц трех вошедших в ее юрисдикцию диоцезов — Кесарии Каппадокийской (Понт), Эфеса (Асия) и Ираклии (Фракия). Характерно, что митрополиты этих городов до сих пор сохраняют в своих титулах сан «экзархов» соответствующих областей. В дальнейшем экзархи утратили канонические привилегии, и единственным судьей над митрополитами своих трех диоцезов остался Патриарх Константинопольский⁴⁴. Именно в таком смысле — как указание на некогда действовавшие, но впоследствии исчезнувшие юридические права митрополитов диоцезов — понимает данное правило Феодор Вальсамон⁴⁵.

Но даже если понимать под «экзархами диоцезов» других патриархов, текст правила не обязывает трактовать союз «или» как право выбора между ними и Константинополем. Проще допустить, что речь идет о двух вариантах названия высшей апелляционной инстанции: старом (экзарх диоцеза) и новом (престол Константинополя, получивший в подчинение сразу три диоцеза). Во всяком случае, было бы странно, если бы Собор отрывал административные полномочия от судебных и подчинил суду Константинополя митрополитов, которые рукоположены другими патриархами. Иоанн Зонара специально разъясняет:

«Но не над всеми без исключения митрополитами Константинопольский Патриарх поставляется судьей, а только над подчиненными ему. Ибо он не может привлечь к своему суду митрополитов Сирии, или Палестины и Финикии, или Египта против их воли; но митрополиты Сирии подлежат суду Антиохийского Патриарха, палестинские — суду Патриарха Иерусалимского, а египетские должны судиться у Патриарха Александрийского, от которых они принимают и рукоположение и которым именно и подчинены»⁴⁶.

⁴⁴ Скорее всего, именно незнакомством с данным институтом объясняется перевод в древнейшей славянской Кормчей слов «экзарх диоцеза» малопонятным «начальник строения» (Кормчая. Т. 1. С. 117).

⁴⁵ Σύνταγμα. Т. 2. Σ. 239–240.

⁴⁶ Σύνταγμα. Т. 2. Σ. 260.